

УДК 81'26(811.511.1)

Е. А. Кондрашкина

**БУДУЩЕЕ ЯЗЫКОВ
ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье предпринимается попытка спрогнозировать состояние и развитие языков финно-угорских народов в будущем. Проблема языкового прогнозирования не является приоритетной областью лингвистики. Некоторые исследователи критически оценивают саму возможность прогнозировать развитие языка, поскольку непредвиденные экстралингвистические факторы могут повлиять на язык и ускорить или замедлить его развитие. А таких факторов в истории России было немало: это «языковое строительство» в послереволюционные годы; репрессии 1930-х гг.; борьба с «буржуазным национализмом»; закрытие национальных школ; политика построения «новой исторической общности – советского народа» с единым языком – русским; всевозможные реформы в системе образования и пр.

В Российской Федерации финно-угорские народы компактно проживают в пяти финно-угорских республиках: Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртской Республике, Пермском крае, а также в автономном Ханты-Мансийском (Югра) округе. Ханты и манси, проживающие в округе Югра, относятся к угорской группе и являются малочисленным народом; в статье они рассматриваются не будут. Также существуют многочисленные финно-угорские диаспоры в Башкортостане, Татарстане и ряде областей России. Все они разнятся по демографическому принципу – соотношению русского и титульного населения, а также по количеству государственных языков в республиках и наличию законодательных актов, касающихся этих языков.

Проведенное исследование, основанное на работах ученых-лингвистов из финно-угорских республик и зарубежных авторов, на статистических данных и итогах переписей населения, позволяет сделать вывод, что придание национальным языкам статуса государственных не повлияло на изменение языковой ситуации и не замедлило языковой сдвиг в сторону русского языка, скорее, наоборот – сдвиг ускорился. Такое тревожное положение с национальными языками должно побуждать ученых-лингвистов и органы власти обратить особое внимание на проблемы планирования, прогнозирования и сохранения этих языков.

Ключевые слова: финно-угорские языки, русский язык, демографический дисбаланс, языковая ситуация, языковая политика, сфера образования, языковое законодательство.

DOI:10.35634/2224-9443-2021-15-2-262-271

Тема языкового прогнозирования никогда не была в центре особого внимания, поскольку строить прогнозы всегда чревато тем, что они не совпадут с процессами, происходящими в данный момент, из-за того, что случились какие-то непредвиденные события, повлиявшие на ход истории. А на развитие языка могут оказывать воздействие самые разнообразные как языковые, так и внеязыковые факторы, которые должны учитываться при прогнозировании.

Для социолингвистики одним из главных предметов изучения является функциональное развитие языка. Чтобы проанализировать функциональное развитие языка и спрогнозировать его будущее, необходимо учитывать ряд важнейших показателей витальности языка. Такими показателями являются: количество носителей языка или его демографическая мощность; приверженность носителей к родному языку, т. е. количество тех, кто считает язык родным; уровень его функциональной развитости; правовые документы, касающиеся функционирования языка в разных сферах; а также такие психологические факторы как отношение индивидов к своему родному языку.

Термину «языковое прогнозирование» в «Словаре социолингвистических терминов» (2006) дается определение: «Исследование конкретных перспектив развития как отдельного языка, его внутренней структуры, так и языковой ситуации в той или иной социальной общности» [Словарь 2006, 271]. Внутренняя структура языка в данной статье рассматриваться не будет; исследованию подлежат языковая ситуация и языковая политика, в которую входят как языковое планирование, так и языковое прогнозирование.

В Российской Федерации, по данным переписи 2010 г., насчитывается чуть более 2 млн. 300 тыс. финно-угров, которые проживают в различных субъектах Российской Федерации и составляют там меньшинство по сравнению с русским населением. Демографический дисбаланс сыграл решающую роль в становлении языковой ситуации в этих регионах, особенно в Карелии, Коми, Удмуртской Республике, где разрыв в количестве русского и титульного населения особенно велик. Фактически называть эти республики финно-угорскими можно с большой натяжкой, видимо, поэтому ученые из Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртской Республики в коллективной статье [Шабаев и др. 2018] называют эти регионы «республиками с финно-угорским населением». Наиболее благоприятной по соотношению основных этносов – марийского и русского является ситуация в Республике Марий Эл. Что касается Ханты-Мансийского (Югра) округа, то там коренное население – ханты и манси, составляют 1,96% от всего населения округа и относятся к малочисленным народам, т. е., по российскому законодательству, насчитывающим менее 50 тыс. чел. [Итоги переписи...2012, 110].

После принятия Закона РСФСР «О языках народов РСФСР» от 25 октября 1991 г. республики получили право устанавливать свои государственные языки. Кроме Карелии, все финно-угорские республики приняли законы о языках: Коми – в 1992, Марий Эл – в 1995, Мордовия – в 1998, Удмуртская Республика – в 2001 г. Соответственно государственными языками стали: в Коми – русский и коми (коми-зырянский), в Марий Эл – русский и марийский (горный и луговой), в Мордовии – русский и мордовский (мокша и эрзя), в Удмуртии – русский и удмуртский.

В Карелии закон о языках не был принят, в 2004 г. вступил в силу закон «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия», однако правовой статус языков в нем не устанавливался. Государственным языком Карелии считается русский. Причиной того, что карельский язык не был провозглашен государственным, является отсутствие единого литературного карельского языка. Существуют три основных диалекта – собственно карельский, людиковский и ливвиковский (или олонекский), различия между которыми препятствуют общению и взаимопониманию их носителей. Карельский диалект имеет много общего с диалектами финского языка, в ливвиковском ощущается влияние вепского языка, а людиковский диалект испытал воздействие русского языка. С этим связано наличие в Республике Карелии двух форм письменности – кириллицы для русского языка и латиницы для карельского, финского и вепского языков. Если государственным языком станет карельский, то, согласно федеральному закону, его письменность должна быть переведена на кириллицу.

Среди финно-угорских республик Марий Эл и Мордовия отличаются тем, что в них законодательно закреплено три государственных языка: в Марий Эл – это русский, луговомарий-

ский и горномарийский, а в Мордовии, кроме русского – языки мокша и эрзя. Практически все титульные языки финно-угорских республик, по оценкам ЮНЕСКО, отнесены к языкам «определенно находящимся под угрозой исчезновения», а горномарийский – к «серьезно находящийся под угрозой исчезновения» [The UNESCO Atlas 2012, 11].

Финно-угорские народы, по данным переписей, являются сильно диаспоризованными, что, естественно, сокращает количество носителей языка в республиках. На первом месте Мордовия: 55,2% носителей мордовских языков проживает за пределами своей республики. За пределами Марий Эл проживает 46,9% носителей марийских языков, за пределами Карелии – 25,8% носителей карельского, вне Удмуртии – 25,7% носителей удмуртского, за пределами Коми – 11,3% носителей языка коми, за пределами Пермского края – 16,5% носителей коми-пермяцкого языка [Итоги переписи...2012, 86–88, 90–91].

Демографическая мощь языков титульного населения республик определяется соотношением общего количества населения данной национальности в республике и тех из этого количества, кто владеет языком. В Карелии проживает 45 570 карелов, из них 16 878 чел. заявило о владении карельским языком; таким образом, демографическая мощь языка составляет 37%. Из проживающих в Коми 202 348 представителей титульной нации 130 797 владеет языком; мощь языка коми – 64,6%. В Марий Эл среди 290 863 марийцев 198 072 владеет марийскими языками; т.е. мощь марийских языков – 68%. В Мордовии – 333 112 мордвы, причем 191 164 чел. владеет мордовскими языками; мощь мордовских языков составляет 57,4%. В Удмуртии проживает 410 584 удмурта, владеет языком 229 203 чел.; мощь удмуртского языка – 55,8%. В Пермском крае из 81 084 коми-пермяков 55 285 чел. владеет коми-пермяцким языком; мощь коми-пермяцкого языка – 68,2%. Отметим, что помимо титульного населения государственными национальными языками владеет еще некоторое количество представителей других этносов, проживающих в республиках, так что в целом демографическая мощь языков будет больше, но особенно важна ситуация именно у титульных народов [Итоги переписи...2012, 170, 172, 192, 194, 196].

Тот факт, что демографическая мощь языков во всех республиках, кроме Карелии, составляет от 56% до 68%, свидетельствует о том, что их витальность достаточно высока (больше половины титульного населения). Тем не менее, сравнивая переписи 2002 и 2010 гг., отметим снижение числа владеющих родными языками. В 2002 г. в Карелии родным языком владело 48,4% карел (-11,4%), в Марий Эл – 78,5% марийцев (-9,6%), в Мордовии – 84,6% мордвы (-27,2%), в Удмуртии – 71,8% удмуртов (-16%), в Коми-Пермяцком АО – 83,1% коми-пермяков (-14,9%) [Перепись 2002]. (По каким-то причинам в переписи не оказалось данных по носителям языка коми). Мощь же русского языка всегда была достаточно высока и по переписи 2010 г. составляла: в Карелии – 99,9%, в Коми – 98,8%, в Марий Эл – 98,3%, в Мордовии – 99,5%, в Удмуртской Республике – 99%, в Пермском крае – 99% [Итоги переписи...2012, 170, 172, 192, 194, 196], т.е. практически все титульное население республик владеет русским языком.

Другим важным параметром для анализа состояния языка и динамики его развития является коммуникативная мощь языка, т. е. количество сфер, в которых он функционирует. Государственные языки обычно обслуживают официальные сферы общения, относящиеся к регулируемым коммуникативным сферам, главной из которых является сфера образования, так как она влияет на языковую компетенцию всего общества. По данным Министерства просвещения РФ на 2015/2016 уч. г., марийский язык как средство обучения использовался только в сельских районах Марий Эл и Мордовии. В Марий Эл работало 2 школы на луговомарийском (65 учеников) и в Мордовии на языке мокша – 42 начальные школы (483 уч.) и на языке эрзя – 29 школ (658 уч.). В городе на языке эрзя шло обучение в одной школе (50 уч.). В подавляющем большинстве школ всех республик родные языки преподавались как предмет, при этом, как отмечали учителя, их изучали как второй иностранный язык. Количество часов в не-

делю колебалось от двух до пяти. Но как может существовать и развиваться язык, на котором нет обучения в школе? И как можно овладеть языком за такое количество уроков при отсутствии языковой среды дома и вне школы? В недавнем прошлом в советских школах также изучали иностранные языки: английский, немецкий, французский; и хотя часов для их освоения было отведено больше, после окончания школы при заполнении каких-либо анкет стало клишированным выражение: «читаю и перевожу со словарем», что на самом деле означало «не говорю».

Поскольку изменить языковую ситуацию и в кратчайшие сроки поднять престиж финно-угорских языков не получалось, представители республиканских министерств образования увидели выход в том, чтобы обязать всех школьников изучать титульные государственные языки. В Коми, Мордовии, а позднее и в Марий Эл в начале 2000-х гг. было введено обязательное изучение этих языков всеми школьниками средних образовательных учреждений независимо от национальной принадлежности и желания родителей.

Директивное внедрение в школьную программу изучения титульных языков без предварительного общественного обсуждения и сокращение уроков русского языка на 2–3 часа почти сразу же создало конфликтную ситуацию. Особенно недовольны были родители русских детей: начался сбор подписей под петициями, под заявлениями в Госсоветы республик, в Верховный и Конституционный суды, имели место даже уличные выступления. Не дождавшись реакции на свои обращения, общественность и педагогические коллективы школ, например, в Коми, приступили к тихому саботажу выполнения школьной программы, навязанной республиканским Минобразования, и преподавание языка коми превратилось в формальность [Шаббаев и др. 2018, 69].

Общественное недовольство вышеназванной практикой было настолько сильным, что дело дошло до обращений к Президенту РФ. В. В. Путин отреагировал на эту ситуацию и, выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле летом 2017 г., поручил Министерству образования дать право самим родителям или законным представителям ребенка выбирать – изучать национальный язык республики или нет.

В июле 2018 г. Госдума РФ приняла закон об изучении родных языков, который в итоговой версии не ограничивает россиян в языковых правах и дает им возможность свободно изучать свой родной язык. При этом закон исключает практику, при которой детей принуждали бы к изучению национальных языков республик в ущерб русскому.

Были внесены изменения в Федеральные государственные образовательные стандарты: с 1 января 2018 г. родные и государственные языки должны преподавать по-новому. В школах впервые вводится новая обязательная предметная область – «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература». После принятия новых Федеральных образовательных стандартов в Мордовии, например, Министерство просвещения республики рекомендовало школам включить в программу изучение мордовских языков (мокшанского и эрзянского) в качестве государственных и оценивать их знание по двухбалльной шкале – 4 и 5, чтобы низкие отметки не вызывали у учеников вместо любви и уважения к языку его неприятие [Мордовские новости...].

21 февраля 2019 г. Министерством просвещения РФ и Федеральным агентством по делам национальностей был создан Фонд поддержки родных языков. Создание фонда было предусмотрено законом о родных языках, принятом в 2018 г. Закон поддержали все фракции Госдумы [Фонд поддержки...].

Что касается других официальных сфер – административного управления, делопроизводства, законодательства, судопроизводства, СМИ, науки, транспорта, промышленного производства и др., то в них доминирует русский язык, а национальные языки софункционируют с ним при необходимости. К примеру, если обвиняемый или свидетель в суде не владеют в полной мере русским языком, привлекается переводчик. На республиканских конференциях обыч-

но часть докладов бывает представлена на родном национальном языке, если заранее не оговаривается единый рабочий язык мероприятия. На национальном языке в республиках издаются газеты и журналы. Законы обычно публикуют одновременно на русском и титульном языках. По мнению некоторых местных ученых, интенсивно использовать национальные языки мешает неразвитость терминологической сферы, и хотя в республиках составляются и издаются терминологические словари, на практике ими пользуются мало. Но главным является все же демографический фактор – преобладание русского и русскоязычного населения во всех финно-угорских республиках, а также тот факт, что все республики тесно связаны с федеральным центром и используют в этих связях русский язык. Если же пользоваться национальными языками, то потребуются огромная армия переводчиков.

Большое влияние на состояние и развитие языка оказывает языковая политика. В Советском Союзе, да и в современной Российской Федерации, она носила и носит русификаторский характер, хотя в законе «О языках народов РСФСР», принятом в октябре 1991 г., утверждаются равные права всех языков России и гарантирована их защита. Несмотря на то, что был предпринят целый комплекс мер по поддержке национальных языков, повышен их статус как государственных языков республик, тем не менее ученые из Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртии отмечают в совместной статье: «<...> заметных изменений в этноязыковой ситуации не происходит» [Шабаев и др. 2018, 64]. Языковая ориентация продолжает смещаться в пользу русского языка, который признают родным, по данным переписи 2010 г., 37,1% коми, 72,7% карел, 43,9% удмуртов, 20,2% марийцев и 18% мордвы, т. е. языковая ассимиляция продолжается и становится более масштабной, тем более что она связана с ростом доли городского населения [там же]. Известно, что в условиях города ассимиляция ускоряется, поскольку переехавшие из сельской местности финно-угры составляют там меньшинство, межэтнические контакты происходят на русском языке, и русский язык нередко доминирует даже в сфере семейного общения. Кроме того, введение ЕГЭ для всех школьников на русском языке дало дополнительный стимул для изучения русского языка, открывающего дорогу в высшие учебные заведения РФ, преподавание в которых осуществляется на русском языке.

Практика показывает, что придание статуса государственного национальному языку не влияет на расширение его функциональной нагрузки и востребованность среди носителей. Естественно, нельзя не вспомнить о демографическом факторе, когда большинство составляет русское население, а доминантная культура русских воспринимается этническим меньшинством как более престижная. Изменить демографические пропорции не представляется возможным, у русских нет необходимости изучать национальные языки, поэтому в республиках повсеместно распространено только национально-русское двуязычие, а русско-национальное находится, по выражению мордовского ученого Н. Н. Щемеровой, «в зачаточном состоянии» [Щемерова 2000, 328].

Односторонний национально-русский билингвизм, по мнению исследователей, представляет собой угрозу для развития национальных языков. Как считает мордовский ученый М. В. Мосин, «<...> в условиях своеобразного одностороннего национально-русского двуязычия функциональные возможности без исключения всех финно-угорских языков ограничены почти до бытовой сферы. Но как может развиваться полноценно язык, когда на нем можно преподавать только до 5 класса? Как может развиваться язык, его терминология, когда на нем ребенок уже в 11-летнем возрасте не изучает ни историю, ни физику, ни ботанику, ни химию и другие предметы. Как может развиваться язык, когда на нем не ведется никакого делопроизводства в титульных республиках, не говоря уже об их диаспорах» [Мосин 2000, 15].

Венгерский профессор Янош Пустаи считает, что именно «обучение коренного населения на родном языке будет способствовать формированию у него двуязычия высокого – не «кухонного» – качества, при этом будет понятна настоящая выгода от обучения на родном языке»

[Пустаи 2018, 47]. А профессор Лейпцигского университета К. Бохман еще в 1989 г. писал, что язык будущего человечества будет определяться двуязычием и многоязычием при наличии общего второго языка. Таким образом, возможность обучаться на родном языке, а не изучать его как предмет, поможет языку стать престижным, поскольку, как считает Пустаи, «всем известно, что только те языки имеют высокий престиж, на которых ведется обучение» [там же]. Поэтому ученый пишет, что «политическая задача состоит не в том, чтобы добиться обучения финно-угорским языкам в качестве государственных за 1–2 часа в неделю, а в том, чтобы добиться обучения по всем предметам на родном языке, по крайней мере на территории этнической родины» [Пустаи 2018, 50]. Однако есть важная причина, сдерживающая развитие образования на национальных языках, о которой писал В. М. Алпатов, – это отсутствие мотивации: «можно хорошо знать язык, но не иметь возможности применить эти знания» [Алпатов 2014, 21].

Одним из средств расширения функционирования титульных языков и достижения паритетного двуязычия, как считают марийские ученые В. И. Шабыков и Р. А. Кудрявцева, могло бы стать расширение сферы функционирования языков в информационном пространстве (СМИ, Интернет) [Шабыков, Кудрявцева 2018, 83].

Еще одной проблемой, по мнению авторов из четырех финно-угорских республик, отчуждающей носителей от родного языка, является пуризм, т. е. вытеснение из языка иноязычных заимствований, прежде всего, русских и создание неологизмов. Вот что пишет по этому поводу известный коми языковед Е. А. Цыпанов: «За последние 12–15 лет в коми, удмуртском, марийском, а также в мордовском и карельском литературных языках имеют место схожие процессы активного расширения лексических ресурсов за счет создания и активизации собственно-языковых слов-неологизмов, которые употребляются взамен заимствованных лексем или же чаще всего параллельно им в качестве синонимов. Появились десятки и сотни новых слов» [Шабаев и др. 2018, 67]. Такое словотворчество воспринимается специалистами неоднозначно. Так, известный драматург и ученый из Коми О. И. Уляшев в статье «Лексика, оторванная от корней» дал крайне негативную оценку такому словотворчеству и охарактеризовал современный литературный коми язык как «китайскую грамоту» (а творят эту грамоту ученые-языковеды). Это приводит к тому, что школьники и читатели отказываются принимать и понимать такой новояз [там же], а если родной язык становится непонятен, то естественен переход к использованию русского языка.

Тем не менее, социологические опросы, проведенные в апреле-мае 2017 г. в Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртской Республике, показали высокий уровень толерантности респондентов в отношении культуры и языка титульных групп, а их изучение не отвергается и не вызывает неприятия [Шабаев и др. 2018, 71]. Однако проблема сохранения и будущее финно-угорских языков по-прежнему остается актуальной задачей, причем она скорее даже не лингвистическая, а социально-психологическая. Необходимо поднимать престиж финно-угорских языков, а для этого ученые предлагают разработать региональные программы «<...> по формированию общественного мнения, которое бы воспринимало язык финно-угров как специфическую культурную ценность, как престижное и полезное для его носителей знание» [там же]. Изменить психологию носителей языка так, чтобы использование родного языка поднимало авторитет, вызывало уважение окружающих. Напомним, что негативное отношение к родному языку выработывалось у его носителей десятилетиями, начиная с политических репрессий 1930-х гг., когда пострадало большинство финно-угорской интеллигенции по обвинению в «национализме», «шпионаже» и «организации контрреволюционных группировок». А «национализмом» в те времена считалось изучение своей истории, языка, культуры, этнографии, фольклора, пропаганда народной самобытности [Кондрашкина 2018, 26]. О последствиях этих репрессий марийский ученый К. Н. Сануков писал следующее: «После 1930-х гг. национальное самочувствие советских (российских) финно-угорских народов стало определяться как непосредствен-

ными последствиями учиненного погрома, так и последовавшей морально-психологической атмосферой, когда проводилась линия на подавление национального сознания и возможные обвинения в «национализме» висели дамокловым мечом над головой каждого. Страх после 1937 г. остался в глубине массовой психологии. В результате этого этнический идентитет оказался на низком уровне. Показателем этого стало широко распространившееся чувство национального нигилизма, создалось определенное внутреннее состояние отчужденности от языка и культуры своего народа, выработалось ощущение их общественной ненужности» [Сануков 2001, 132–133].

Не меньший урон нанесла и политика русификации в дальнейшие годы, так называемый курс на «слияние в единый народ». Национальные языки были низведены до положения языков семейно-бытового общения, на них даже стеснялись говорить при людях. Курс, взятый КПСС на формирование «единого советского народа», означал создание безнационального моноязычного общества. «Народы были вновь низведены до униженного состояния, до психологии второсортности своего языка, родной культуры, собственных обычаев и традиций» [Сануков 2001, 135]. Негативным результатом такой политики стал очень важный для воспроизведения языка момент – передача языка в семье от старшего поколения младшему часто прерывалась. В этой связи особенно возросла роль школы.

Говорить о том, что финно-угорские языки исчезнут, неактуально, потому что их демографическая мощь и витальность достаточно высокие. Но региональные власти, отвечающие за языковую политику, должны руководствоваться нормами права, обсуждать нововведения с широкой общественностью и корректно проводить те или иные мероприятия в области языка и культуры. Нельзя допускать возникновения межэтнических конфликтов, подобных тем, что происходили в связи с введением обязательного изучения титульных языков в школе, независимо от национальности детей и желания родителей, по принципу: раз языки «исчезают», давайте введем их штудирование для всех живущих в республике. Политизация языковых вопросов не решит проблемы их сохранения; необходимо, чтобы сами носители предприняли какие-то шаги, начали широко обсуждать данные вопросы. Совершенно правильно отмечает финский исследователь удмуртского происхождения К. Замятин: «Никто не может возродить язык, кроме самого языкового сообщества. Никто не может начать использовать язык вместо его простых носителей. Если они не готовы предпринять усилия ради будущего своего языка – говорить на нем, если они его знают, или же учить его, если не знают – прогнозы относительно языкового возрождения остаются неблагоприятными» [Замятин 2012, 160]. К. Замятин справедливо отмечает, что одна из наиболее распространенных проблем языкового возрождения заключается в том, что представители общественности считают его задачей кого-то другого: ученых, учителей, а не их самих. Вопросы языкового возрождения, развития и сохранения языка должны стать интересами всего этнического сообщества, проживающего в данном регионе, а не только узкой кучки национальной интеллигенции, тогда у языков будет будущее [Zamyatin 2014, 125]. Особенно, если при составлении программ функционального развития будет учитываться социальная потребность в культивировании родного языка у его носителей.

ЛИТЕРАТУРА

Алтаов В. М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Международная конференция. Москва, 16–19 сентября 2014. С. 11–24.

Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012, 178 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11-ти т. Т. 4, кн. 1, М., 2012, 2101 с.

Кондрашкина Е. А. Влияние психологического фактора на витальность языка // Вопросы психолингвистики, 2018. № 3 (37). М., С. 22–35.

Мордовские новости. URL: izmor.ru/novosti/nauka-i-obrazovanie/s-yanvary-a-2018-goda-v-shkolah-mordovii-rouavitsya-novu-u-predmet (дата обращения 20.02.2020).

Мосин М. В. Мордовские (мокшанский и эрзянский) литературные языки: состояние, проблемы и перспективы развития // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (2–5 февр. 2000 г.). Саранск, С. 11–19.

Пустаи Я. Актуальные мысли о положении финно-угорских языков Российской Федерации // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей. Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, 2018. С. 46–52.

Сануков К. Н. Финно-угорские народы России: проблемы национального идентитета // Финно-угроведение, 2001. № 1. Йошкар-Ола. С. 128–140.

Словарь социолингвистических терминов, М., 2006. 312 с.

Фонд поддержки родных языков. URL: pnp.ru/social/fond-izucheniya-rodnykh-yazykov-poluchit-gosudarstvennuyu-subsidiyu.html (дата обращения 28.01.2020).

Шабает Ю. П., Воронцов В. С., Орлова О. В., Мартыненко А. В., Миронова Н. П. Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением)? // Вопросы филологии 2018. № 1 (61). М., С. 62–74.

Шабает В. И., Кудрявцева Р. А. Языковая ситуация в республике Марий Эл (на материале социологических исследований 2012 и 2015 годов) // Вопросы филологии, 2018. № 1(61). М., С. 74–85.

Щемерова Н. Н. О проблеме эрзянско-русского детского билингвизма // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (2–5 февр. 2000 г.), Саранск. С. 328–330.

Zamyatin K. An Official Status for Minority Languages? A Study of State Languages in Russia's Finno-Ugric Republics. Helsinki, 2014, 381 p.

The UNESCO Atlas of the world's languages in danger: context and process. Cambridge, 2012.

Поступила в редакцию 15.02.2021

Кондрашкина Елена Алексеевна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,

Институт языкознания РАН.

125009, Россия, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1.

e-mail: e.kondrashkina@inbox.ru

E. A. Kondrashkina

THE FUTURE OF THE LANGUAGES OF THE FINNO-UGRAIAN PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI:10.35634/2224-9443-2021-15-2-250-261

This article attempts to predict the future condition and development of the languages of the Finno-Ugric peoples. The problem of language forecasting is not a priority area of linguistic studies. Some researchers are skeptical about the very possibility of predicting the development of a language as unforeseen extra-linguistic factors can affect it and accelerate or decelerate its development. The Russian history saw a lot of such factors: the language building during the post-revolutionary years, repressions of the 1930s, struggle against “nationalism” and “panfinism”, liquidation of national schools, policy of building a “new historical community – the so-called “Soviet people” with Russian as a single language, various educational reforms, etc.

In the Russian Federation, the Finno-Ugric peoples mostly reside in the five Finno-Ugric republics of Karelia, Komi, Mari El, Mordovia and Udmurtia and in the two autonomous districts of Khanty-Mansi (Ugra) and Yamalo-Nenets. The Finno-Ugric peoples living in the latter districts are small nations and will not be discussed in this article. There are also numerous Finno-Ugric diasporas in Bashkortostan, Tatarstan and some other Russian regions. All of them differ by the following two demographic criteria: the ratio of Russians to the titular

population and the number of state languages in the republics in question and the existence of laws governing those languages. This study, which is based on papers written by various linguistic scholars from both the Finno-Ugric republics and foreign countries, statistics and population census results, allows us to conclude that the process of giving the national languages the status of a state language had virtually no impact on the change in the language situation, nor did it slow down the language shift towards Russian – rather, it accelerated that shift. Such alarming situation with national languages should encourage linguistic scientists and authorities to pay special attention to the problems of planning, forecasting and preserving those languages.

Key words: Finno-Ugric languages, Russian, demographic imbalance, language situation, language policy, education, language laws.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 2, pp. 262–271. In Russian.

REFERENCES

Alpatov V. M. Yazykovaya politika v Rossii i mire. Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire. Mezhdunarodnaya konferentsiya. [Language policy in Russia and the world]. Language policy and language conflicts in the modern world. International Conference. Moscow, 16–19 September 2014. Pp. 11–24. In Russian.

Zamyatin K., Pasanen A., Saarikivi Ya. Kak i zachem sokhranyat' yazyki narodov Rossii? [How and why to preserve the languages of the peoples of Russia?] *Khel'sinki*, 2012, 178 p. In Russian.

Itogi Vserossyskoi perepisi naseleniya 2010 g. v 11-ti tomakh, t. 4, kn. 1 [The results of the 2010 All-Russian Population Census in 11 volumes, vol. 4, book 1], Moscow, 2012, 2101 p. In Russian.

Kondrashkina E. A. Vliyanie psikhologicheskogo faktora na vital'nost' yazyka. Voprosy psikholingvistiki [The influence of the psychological factor on the vitality of the language]. *Questions of psycholinguistics*, № 3 (37), 2018. Pp. 22–35. In Russian.

Mordovskie novosti [Mordovian news]. In Russian. URL: izmor.ru/novosti/nauka-i-obrazovanie/s-yanvarya-2018-goda-v-shkolah-mordovii-poyavitsya-novyiy-predmet (accessed: 20.02.2020).

Mosin M. V. Mordovskie (mokshanskii i erzyanskii) literaturnye yazyki: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya. Finno-ugristika na poroge III tysyacheletiya. Materialy II Vserossyskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrov (2–5 fevralya 2000g.), Saransk. [Mordovian (Moksha and Erzya) literary languages: state, problems and development prospects]. *Finno-ugristika on the threshold of the III millennium. Materials of the II All-Russian Scientific Conference of Finno-Urologists (February 2-5, 2000)*, Saransk. Pp. 11–19. In Russian.

Pustai Ya. Aktual'nye mysli o polozhenii finno-ugorskikh yazykov Rossiyskoi Federatsii. Problemy mariyskoi i sravnitelnoi filologii. Sbornik statei. Mariyskii gosudarstvennyy universitet. Yoshkar-Ola. [Actual thoughts on the situation of Finno-Ugric languages of the Russian Federation]. *Problems of Mari and comparative philology. Digest of articles. Mari State University. Yoshkar-Ola*, 2018. Pp. 46–52. In Russian.

Sanukov K. N. Finno-ugorskie narody Rossii: problemy natsional'nogo identiteta [Finno-Ugric peoples of Russia: problems of national identity]. *Finno-Ugric Studies*, No. 1, 2001. Yoshkar-Ola, Pp. 128–140. In Russian.

Slovar' soziolingvisticheskikh terminov, M., 2006 [Glossary of Sociolinguistic Terms], Moscow, 2006, 312 p. In Russian.

Fond podderzhki rodnykh yazykov [Native Language Support Foundation]. In Russian. URL: pnp.ru/social/fond-izucheniya-rodnykh-yazykov-poluchit-gosudarstvennyyu-subsidiyu.html (accessed: 28.01.2020).

Shabaev Yu. P., Vorontsov V. S., Orlova O. V., Martynenko A. V., Mironova N. P. Yazykovaya politika i yazykovye orientatsii naseleniya v natsional'nykh respublikakh: konflikt interesov mezhdru gruppami ili nesovershenstvo kul'turnykh praktik (na primere regionov s finno-ugorskim naseleniem)? Voprosy filologii [Linguistic policy and linguistic orientations of the population in national republics: a conflict of interests between groups or imperfection of cultural practices (on the example of regions with a Finno-Ugric population)?]. *Questions of philology* No. 1 (61), Moscow, 2018. Pp. 62–74. In Russian.

Shabykov V. I., Kudryavtseva R. A. Yazykovaya situatsiya v respublike Marii El (na materiale sotsiologicheskikh issledovaniy 2012 i 2015 godov). Voprosy filologii [The language situation in the Republic

of Mari El (based on sociological research 2012 and 2015)]. *Questions of Philology*, No. 1 (61), M., 2018. Pp. 74–85. In Russian.

Shhemerova N. N. O probleme erzyansko-russkogo detskogo bilingvizma. *Finno-ugristika na poroge III tysyacheletiya. Materialy II Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov*. [On the problem of Erzya-Russian children's bilingualism]. *Finno-ugristika on the threshold of the III millennium. Materials of the II All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugrologists (February 2–5, 2000)*], Saransk. Pp. 328–330]. In Russian.

Zamyatin K. *An Official Status for Minority Languages? A Study of State Languages in Russia's Finno-Ugric Republics*. Helsinki, 2014, 381 p.

The UNESCO Atlas of the world's languages in danger: context and process. Cambridge, 2012.

Received 15.02.2021

Kondrashkina Elena Alekseevna,

Candidate of Science (Philology),

Senior research scientist, Research Centre for National Language Relations,

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,

1, B. Kislovsky per. Moscow, 125009, Russian Federation,

e-mail: e.kondrashkina@inbox.ru